

**Свобода самовыражения против свободы религии:
подход ЕСПЧ к установлению баланса**

Введение

С историческим развитием концепции прав человека, общество осознало значимость не только свобод, направленных на защиту материального аспекта жизни каждого, но и тех прав, что способствуют комфортному личностному становлению. Как правило, к ним относят право на достоинство личности, неприкосновенность частной жизни, свободу ассоциаций и союзов, свободу совести и свободу мысли и слова и т.д. В контексте необходимости комфортного существования личности особое внимание уделяется двум вышеупомянутым правам: праву на свободу самовыражения и праву на свободное вероисповедание. Такая тенденция не является удивительной, ведь значение поддержания свободы вероисповедания в основном обусловлено традициями и историей развития общества, в то время как право на свободу самовыражения, наоборот, демонстрирует относительно новую идею предоставления человеку возможности придерживаться различных «неопасных» для общества убеждений, свободно выражать свое мнение, выражать оппозиционные идеи, критику, инакомыслие, исповедовать или не исповедовать различные религии. Эти права и свободы не только ограничивают давление государства на личность, но и защищают от дискриминации или установления преимуществ и ограничений в зависимости от личных убеждений каждого.

В условиях развивающегося космополитизма, смешения культур и многообразия религиозного опыта конфликты различных социальных групп возникают все чаще и становятся все острее. Человечество осознало необходимость не только иметь право отстаивать свои убеждения, но и свободно выражать отношение к устоям других, притом не всегда четко понимая границы между невинной свободой самовыражения и откровенным унижением религиозных убеждений окружающих. Все чаще в Европейском Суде по правам человека (далее—Суд) рассматриваются обращения направленные не только в связи с оскорблением чувств религиозных групп творческими произведениями (дело *Otto-Preminger-Institut v. Austria*), но и открытыми *hate speech* (*M'Bala M'Bala v. France*) и публичными демонстрациями негативного отношения (*Belkacem v. Belgium*).

Исходя из содержания статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее—**Конвенция**) ограничения или санкции, связанные со свободой самовыражения допустимы при соблюдении следующих условий: они должны быть предусмотрены законом, должны поддерживать цели защиты интересов национальной

безопасности, защиты территориальной целостности, защиты общественного порядка предотвращения беспорядков или преступлений, охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия, а также их установление должно быть необходимо в демократическом обществе.¹ Из практики известно, что Суд оправдывает ограничение свободы самовыражения в сравнительно небольшом ряде случаев: если оно направлено на защиту от оскорблений верующих или национальных меньшинств, или же на защиту наиболее уязвимых членов общества — детей, в тех случаях, когда есть основания полагать, что они могут получить доступ к информации, которая может навредить их дальнейшему нравственному развитию.² Поскольку такие формулировки дают лишь общее представление о разрешении проблемы противоречия права на свободу самовыражения и прав верующих, провести четкую границу между ними затруднительно.

Целью данной статьи мы ставим выявление набора универсальных критериев, которые могут быть использованы при установлении баланса между свободой самовыражения и свободой вероисповедания. Данные критерии должны позволить установить наличие в рассматриваемом явлении нарушения прав верующих, а также помочь определить, где проходит граница между осуществлением индивидуальной автономии при реализации права на свободу самовыражения и оскорблением чувств верующих. Для этого мы проанализируем решения из практики ЕСПЧ, поставленные в них проблемы и выводы Суда, и постараемся привести их к структурированному набору применяемых критериев. Поскольку понятие самовыражения является достаточно обширным, мы рассмотрим его в нескольких категориях: самовыражение в творчестве, ношение религиозных элементов одежды в повседневной жизни, публичное выражение мнения в отношении религиозных групп, как наиболее показательные примеры.

1. Практика ЕСПЧ по вопросу установления баланса между правом на свободу самовыражения и прав верующих

Одним из наиболее известных прецедентов в практике ЕСПЧ, предметом разбирательства в котором явилось оскорбление чувств верующих, является дело « Институт

---

¹ Бакешин С. Свобода слова vs. свобода религии: богохульство в практике Европейского суда по правам человека [Электронный ресурс] // Zakon Ru: первая социальная сеть для юристов. 2013. URL: https://zakon.ru/blog/2013/8/15/svoboda_slova_vs_svoboda_religii_bogohulstvo_v_praktike_evropejskogo_suda_po_pravam_cheloveka. 21.09.2017

² Белкин Л.М. Гарантии свободы творчества и границы их ограничения в решениях Европейского суда по правам человека // Журнал Высшей школы экономики. 2012. №2. С.2.

Отто-Премингер против Австрии»³. В рамках одного из своих мероприятий, ассоциация-завитель намеревалась устроить серию показов фильма, который предварительно был широко разрекламирован. Содержание фильма представляло собой карикатурное изображение христианского учения (стоит отметить, что автор пьесы, по которой был снят фильм, Оскар Паницца, в 1895 году был осужден за преступления против религии). Мероприятие вызвало негодование у Инсбрукской епархии Римской католической церкви, которая и стала инициатором возбуждения дела. Фильм был арестован и конфискован, что стало причиной подачи жалобы Институтом Отто-Премингера в ЕСПЧ на нарушение обязательств Республикой Австрия, в частности нарушение статьи 10 Европейской Конвенции по правам человека.

В решении по делу Суд отметил, что статья 10 Конвенции не была нарушена, а действия австрийских властей были оправданы необходимостью защиты населения, большая часть которого является приверженцами католической религии, от «необоснованных и оскорбительных нападок». Художественная ценность произведения, его достоинства, не может быть оправданием для оскорбления им широкой публики. В то же время, Судом было замечено, что свобода слова сопряжена не только с распространением мнений и идей, которые будут восприняты обществом благоприятно, но и с такими идеями, которые могут вызвать возмущение или обиду. Плюрализм мнений и возможность их реализации необходимы для сохранения толерантности и либерализма в обществе. Именно поэтому государством не может осуществляться чрезмерное вмешательство в свободу выражения мнений.⁴

В 1996 году ЕСПЧ было вынесено постановление по делу со схожим содержанием, которое подтвердило позицию суда в отношении анализируемого вопроса. В деле «Уингроу против Соединенного Королевства» предметом рассмотрения является жалоба Найджела Уингроу на нарушение его свободы слова отказом в выдаче ему классификационного сертификата на распространение снятого им фильма. Фильм, по словам заявителя, основан на жизнеописании святой Терезы Авильской и представляет собой видеоряд эротического содержания с использованием образа Христа и Терезы Авильской. Сертификат не был выдан по причине того, что фильм противоречит нормам уголовного законодательства Соединенного Королевства о богохульстве, а его распространение не может

---

³ Otto-Preminger-Institut v. Austria (decision), no. 13470/87, 20 September 1994.
URL:<http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57897>

⁴ Otto-Preminger-Institut v. Austria (decision), no. 13470/87, 20 September 1994.
URL:<http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-57897>

контролироваться государством, а значит, присутствует потенциальная возможность нанесения оскорбления религиозным чувствам верующих лиц.

Суд, как и в предыдущем деле, постановил, что нарушение 10 статьи Конвенции отсутствует. Несмотря на то, что меры, принятые властями, подразумевают полный запрет на распространение фильма и могут считаться чрезмерными и не соответствующими пункту 2 статьи 10 Конвенции, Суд считает действия государства правомерными и целесообразными, в частности, учитывая, что распространение фильма привело бы к нарушению уголовного права.⁵

Таким образом, можно сказать, что Суд признает значимость вклада свободы творчества в общественную дискуссию, а потому ее чрезмерное ограничение недопустимо для демократических государств, но жесткие меры могут быть оправданы защитой чувств различных социальных групп. При определении возможных границ реализации права на свободу творчества необходимо не только принимать во внимание потенциальную возможность нанесения оскорбления группам лиц, но и предпринимать все необходимые меры для информирования о его содержании тех лиц, которым произведение может нанести оскорбление.

В контексте рассматриваемого вопроса необходимо обратить внимание на дела «о хиджабах», которые стали особенно частыми в практике Суда за последние годы. В этих делах, как правило, ставится вопрос об ограничении свободы самовыражения путем ограничения ношения религиозных атрибутов, и мы считаем нужным упомянуть их в настоящем исследовании, так как в них затрагивается проблема соотношения частных потребностей и общественных интересов. Одним из фундаментальных дел по данному вопросу считается дело «Лейла Шахин против Турции»⁶, заявительницей в котором выступила студентка государственного университета, где был установлен запрет на ношение платка во время занятий. Заявительница родилась в традиционной мусульманской семье, и соблюдение религиозных обязанностей было для нее важной частью вероисповедания. Суд не усмотрел нарушения статьи 9 Конвенции, определив, что данное вмешательство находилось в пределах усмотрения государства, и может быть рассмотрено как «необходимое в демократическом обществе» по смыслу содержания пункта 2 статьи 9 Конвенции. Данное вмешательство, по мнению суда, было основано на принципе секуляризма, в соответствии с которым государство не могло отдать предпочтение

---

⁵ *Wingrove v. the United Kingdom* (decision), no. 19/1995/525/611, 25 November 1996.
URL:<http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-164288>

⁶ *Leyla Sahin v. Turkey* (decision), no 44774/98, 29 June 2004. URL:<http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70956>

определенной религии, так как ее защита могла бы трактоваться как ограничение свободы вероисповедания в стране.

Вместе с тем Суд высказал противоположное мнение в другом деле, «Ахмет Арслан против Турции»⁷, где был поднят вопрос о допустимости привлечения к ответственности за нарушение правил ношения головных уборов и религиозной одежды в общественных местах. Суд установил нарушение статьи 9, признав, в частности, что в ношении религиозной атрибутики в общественных местах отсутствует угроза общественному правопорядку, и в данной ситуации государство вышло за пределы его усмотрения в реализации ограничений внешних проявлений религиозной принадлежности.

Позиция и аргументация Суда, выраженные в решении по делу «Лейла Шахин против Турции», получили развитие в последующих делах, рассмотренных в Суде. Вопрос относительно допустимости ношения религиозных предметов одежды в общественных местах широко обсуждается во многих государствах, придерживающихся принципа секуляризма, и наряду с Турцией он со стабильным постоянством поднимается во Франции. В 2008 году в Суде было рассмотрено дело «Догру против Франции»⁸, где Судом обсуждалась проблема возможности установления запрета на ношение платка правилами государственной школы. Из-за отказа снимать головной убор учащиеся не были допущены к урокам физкультуры, а в последствие исключены из школы. Суд не нашел нарушения статьи 9, назвав обоснованными правила школы, которые были установлены из соображений безопасности и охраны здоровья. Санкция была наложена не из-за религиозных убеждений, а из-за неоднократного нарушения правил школьного обучения, с которыми заявители были ознакомлены.

В последующих решениях по аналогичному вопросу Суд подтверждал свою позицию относительно оправданности ограничения внешних проявлений свободы вероисповедания в целях, необходимых для комфортного общежития и сосуществования различных религиозных групп. Следующим из широко обсуждаемых прецедентов, затрагивающих вопросы прав, определенных статьями 9 и 10 Конвенции, стало дело «С.А.С. Против Франции», решение по которому подняло волну негодования среди мусульман. Заявительница, отстаивала свое право на ношение паранджи и никаба, так как в соответствии с законодательством Франции ношение одежды, закрывающей лицо, запрещено и наказуемо штрафом. С.А.С. утверждала, что данная норма французского законодательства дискриминирует ее не только как последовательницу религии, но и как женщину, поскольку

---

⁷ Ahmet Arslan and Others v. Turkey (decision), no. 41135/98, 23 February 2010. URL:<http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-97535>

⁸ Dogru v. France (decision), no. 27058/05, 4 December 2008. URL:<http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-90039>

перед ней стоит выбор: либо отказаться от внешнего вида, требуемого ее религией, либо подвергнуться санкциям.⁹ Судом было решено, что аргументация государства относительно открытости лица как элемента минимальных требований к правилам общежития оправдана, так как роль лица в процессе социального взаимодействия действительно велика. Именно поэтому суд утвердил широкие полномочия государства по поддержанию комфортного межличностного общения граждан и установил, что принятый Францией запрет не нарушает религиозные права.

По существу общей идеей в решениях по делам «о хиджабах» выступает невозможность ограничения свободы вероисповедания, как одной из основополагающих свобод человека и гражданина. В то же время государствам предоставляется право ограничивать внешние проявления религиозных убеждений, если это необходимо из соображений общественной безопасности или для реализации надконституционных принципов.

В последние годы все чаще в практике Суда поднимается вопрос относительно общественной опасности *hate speech*¹⁰. Мы полагаем важным рассмотреть этот феномен в данном исследовании потому, что свобода выражения мнения является одной из важных составляющих права на самовыражение. Кроме того, такие выступления, как правило, носят заведомо неприязненный характер к какой-либо социальной группе, а потому зачастую рассматриваются именно как оскорбительные. Заявители, привлеченные к ответственности в связи с использованием речи ненависти, как правило, ссылаются на статью 10 Конвенции, утверждая, что всего лишь выражали свое мнение, пользуясь своим субъективным правом. ЕСПЧ придерживается абсолютно твердой позиции о недопустимости оскорбления религиозных групп и логически аргументирует это в следующих решениях.

По одному из таких дел, «Эрбакан против Турции»¹¹, заявитель, который являлся публичной политической фигурой, обратился в Суд, поскольку считал незаконным и нарушающим его права осуждение, к которому он был приговорен после его публичного выступления. В решении по делу Суд указал, что в речи заявителя присутствовало подстрекательство к ненависти и религиозной нетерпимости, что совершенно не приемлемо в современном обществе, где поддерживается плюрализм верований и идеи толерантности. Суд не нашел достаточных оснований для удовлетворения требований заявителя еще и

---

⁹ S.A.S. v. France (decision), no. 43835/11, 1 July 2014. URL:<http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-145466>

¹⁰ Данное понятие не имеет точного эквивалента в русском языке, но зачастую заменяется такими синонимами как «Риторика ненависти» или «Язык вражды», и обозначает совокупность оскорбительных высказываний, сделанных в отношении определенной социальной группы.

¹¹ Erbakan v. Turkey (decision), no. 59405/00, 6 July 2006. URL:<http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-97380>

потому, что он является публичной фигурой, и ограничение его свободы самовыражения необходимо для демократического общества.

В деле «М'Бала М'Бала против Франции»¹² комедиантка и политическая активистка Дьодонне М'Бала М'Бала оспаривает привлечение к ответственности за неоднократные публичные оскорбления социальных групп, в связи с их национальностью, вероисповеданием и расовой принадлежностью, а непосредственно в данном деле был рассмотрен случай публичного оскорбления лиц еврейской национальности и иудеев. Комедиантка в одном из выпусков своего шоу вручила символический приз одному из гостей, известному своим отрицанием использования газовых камер в концентрационных лагерях, подсвечник с яблоком на каждом из трех ответвлений. «Приз» был вручен человеком в полосатой пижаме с нашивкой желтой шестиконечной звезды, очевидно для всех изображавшего узника концлагеря.

В данном решении позиция Суда относительно недопустимости использования *hate speech* в публичных выступлениях осталась прежней, но получила более детальное объяснение с учетом обстоятельств. Суд отметил, что в данном контексте комедийная сцена вышла за рамки юмористического скетча и перешла в разряд политического высказывания, которое за внешней комедийностью пропагандировало ненависть и антисемитизм. В решении особенно подчеркнуто, что подобное использование права, гарантированного статьей 10, со ссылкой на свободу самовыражения, является опасным и провокационным, и в целом противоречат существу и основополагающим идеям Конвенции.

Идея необходимости рассмотрения действий заявителей в рамках не только содержания отдельных статей, но и с учетом основополагающих идей Конвенции, нашла отражение и в последующих решениях Суда. Согласно фабуле дела «Белкацем против Бельгии»¹³, решение по которому было вынесено несколько месяцев назад, но уже стало активно обсуждаемым в профессиональных кругах. Г-н Белкацем записывал ролики, в которых призывал бороться с немусульманами и наставлять их на «путь истинный», а также защищать предписания Шариата. Свои ролики заявитель публиковал в открытом доступе на Youtube-канале.

Выражая свою позицию, Суд сделал вывод, что призыв к насилию, ненависти и дискриминации не совместим с ценностями толерантного общества и идеями терпимости, лежащими в основе Европейской Конвенции о правах человека. Как и в вышеупомянутом

---

¹² M'Bala M'Bala v. France (decision), no. 25239/13, 20 October 2015. URL:<https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-158752>

¹³ Belkacem v. Belgium (decision), no. 34367/14, 27 June 2017. URL:<http://hudoc.echr.coe.int/eng-press?i=003-5795519-7372789>

решении, «М'Бала М'Бала против Франции», также было отмечено, что защита одних религиозных устоев и практик не может составлять основу ненависти к другим, а г-н Белкацем попытался использовать положения статьи 10 Конвенции в целях, явно противоречащих духу Конвенции, ссылаясь на право на свободу выражения мнений.

Интересно, что в контексте дел о языке вражды, Суд стабильно прибегает к напоминанию о необходимости придерживаться основных начал, он поминает о значимости использования духа Конвенции при разрешении подобных правовых коллизий. Учитывая деликатность вопроса и необходимость соблюдения такой общепризнанно важной свободы как свобода выражения мнения, использование такой аргументации представляется совершенно логичным и единственно верным.

Практически в каждом рассмотренном нами деле ставился вопрос о допустимых границах вмешательства государства в свободу совести граждан. Европейский Суд, поддерживая рассмотренные выше идеи, постоянно указывает на несколько важнейших аспектов: 1. Необходимость поддержания религиозного плюрализма и толерантности в обществе; 2. Соблюдение равенства прав для религиозного большинства и малых религиозных групп; 3. Минимализация вмешательства государств в реализацию лицами их права на свободу совести и религии, установленных Конвенцией. Поддерживая такие идеи, ЕСПЧ дает возможность для активного развития как индивидуального правового сознания лиц, так и гражданского общества в целом.

II. Предлагаемая методология

Существует широко используемый подход Суда, применяемый для установления оправданности и объективной необходимости ограничения прав человека государством, известный как пропорциональный анализ. Данный подход подразумевает 4 основных критерия:

1. Установление законности наложения ограничения;
2. Законность его цели;
3. Его необходимость в демократическом обществе;
4. Пропорциональность (сбалансированность) мер соблюдению прав человека.

Проведя анализ вышеизложенных решений, а также руководствуясь общими началами Конвенции и идеями либерального толерантного демократического общества, провозглашенными ее содержанием, мы считаем целесообразным использование следующих стандартов при разрешении проблемы установления ограничения на свободу самовыражения

в целях защиты свободы религиозных убеждений. При несоответствии рассматриваемого явления данным критериям, наложение санкций можно считать правомерным, как необходимое ограничение свободы самовыражения. Выделенные нами стандарты укладываются в рамки пропорционального анализа, однако добавляют ряд особенностей применительно к рассмотренной сфере.

1. Установление правомерности целей создания рассматриваемого явления.

Этот критерий мы считаем основополагающим потому, что именно он был отдельно выделен в каждом рассмотренном решении и являлся решающим при установлении нарушения статей Конвенции или их отсутствия. Установление цели позволяет определить истинные мотивы деятельности заявителя и понять, была ли его деятельность направлена исключительно на реализацию законного права на свободу самовыражения, или же носила заведомо противоправный характер. Целью создания произведения, выражения мнения или публичного выступления не должно быть нанесение оскорбления, так как это противоречит не только концепции статьи 10, но и духу Конвенции в целом.

2. Соответствие объективного выражения рассматриваемого явления духу Конвенции, ее основным началам.

Используя этот критерий, представляется возможным рассмотреть сложившуюся проблему более полно, поскольку даже в случае формального соответствия поведения или явления статьям Конвенции, можно установить их полное несоответствие началам демократического общества, а значит и их неправомерность.

3. Установление наличия соответствующих мер, предпринятых для защиты групп лиц, чьи права могут быть затронуты.

Этот критерий важен потому, что в случае достаточного информирования потенциально уязвимых лиц, ими может быть сделан самостоятельный выбор в пользу отказа от творческой ценности произведения с целью сохранения собственного достоинства. Принятие таких мер демонстрирует осознанность действий заявителя, а также подтверждает отсутствие умысла, направленного на оскорбление чьих-либо чувств.

При рассмотрении правомерности ограничения внешних проявлений религиозных убеждений, таких как ношение соответствующей одежды, необходимо проанализировать два основных фактора:

- **Цель установления ограничения.** Основными целями, оправдывающими наличие ограничений, выступают общественная безопасность, соблюдение правил общежития, охрана здоровья людей.
- **Отношение к религиозным конфессиям в государстве.** Так в случае, когда государство провозглашает секуляризацию одним из своих основных конституционных принципов, установление ограничения на внешние проявления религиозной принадлежности представляется законным и оправданным.

Помимо этого, Судом неоднократно подчеркивается, что задачей каждого гражданина в отдельности является понимание последствий и возможность посягательства на достоинство других членов общества, связанных с реализацией права на самовыражение. Свобода самовыражения должна быть четко ограничена не только набором обстоятельств, указанных в пункте 2 статьи 10 Конвенции, но и личной свободой других людей. Такой подход оправдан тонкостью и деликатностью обсуждаемой сферы, а также значимостью развития гражданского правосознания.

Заключение

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что, безусловно, защита чувств верующих не ставится во главу угла, а поддерживается как одна из важнейших основ демократического общества. Чувства верующих не являются неприкасаемыми, а их устои, как и любые другие, могут быть подвергнуты критике на законных основаниях. Однако свобода самовыражения также не является безграничной, хотя и имеет колоссальное значение в рамках становления демократического общества.

Можно утверждать, что подобная позиция суда не дает достаточных гарантий для защиты права на свободу совести и вероисповедания, дает широкий простор для дискриминации групп верующих. При этом стоит отметить, что такая позиция позволяет изменить исторически сложившееся смещение баланса интересов в сторону защиты прав верующих, к идеям поддержания культурного плюрализма и толерантности в целом, и свободе самовыражения в частности, тем самым защищая и предоставляя больший объем прав и свобод.

Рассматриваемая проблема соотношения двух свобод, гарантированных Конвенцией является хорошим примером того, как последовательное формирование прецедентной практики позволяет не только отчетливее толковать нормы Конвенции, но и выстраивать систему соотношений отдельных норм. В данном случае значение прецедентов представляется колоссальным еще и потому, что они позволяют выстроить баланс в такой, казалось бы, деликатной и тонкой сфере, как личные права, оставляя при этом достаточную свободу усмотрения как для государств, так и для индивидуумов.

Список использованной литературы

1. *Бакешин С.* Свобода слова vs. свобода религии: богохульство в практике Европейского суда по правам человека [Электронный ресурс] // *Zakon Ru: первая социальная сеть для юристов.* 2013. URL: https://zakon.ru/blog/2013/8/15/svoboda_slova_vs_svoboda_religii_bogoxulstvo_v_praktike_e_vropejskogo_suda_po_pravam_cheloveka

2. *Белкин Л.М.* Гарантии свободы творчества и границы их ограничения в решениях Европейского суда по правам человека // *Журнал Высшей школы экономики.* 2012. №2.

Статья подготовлена с использованием СПС КонсультантПлюс